

Возможно, Чжоу Цзюньтун сейчас готова была провалиться сквозь землю от стыда. По крайней мере, Чжун Ину так казалось.

Но ведь он всего лишь пытался раскрыть глаза наивной девушке-реставратору, уберечь ее от изошренного обмана Беллу. Кто же мог предположить, что она вздумает призвать в судьи его собственного наставника?

Обычно Фань Чэньюнь держал ученика в строгости и строго-настрого запрещал попусту разглашать скрытую от лишних глаз правду. В конце концов, дело, которому они посвятили жизнь, отчаянно нуждалось в общественном признании. А на этом тернистом пути куда безопаснее заводить друзей, нежели плодить врагов.

К счастью, девушка не стала усугублять ситуацию. Смущенно отступив в сторону, она сделала вид, будто ей просто потребовалось профессиональное разъяснение об устройстве десятиструнного инструмента, тем самым подарив Чжун Ину счастливую возможность избежать сурового наставнического выговора.

Чжун Ин был искренне признателен ей за эту спасительную неловкость. Вежливо придерживая кофр с инструментом, он увлек за собой пеструю толпу экскурсантов, молчаливо соглашаясь предать инцидент забвению.

Вряд ли в этом мире существовал кто-то, кто понимал бы суть этого инструмента глубже, чем он и Фань Чэньюнь. Замерев перед стеклянным стеллажом, юноша, словно образцовый экскурсовод, негромко заговорил:

— Перед вами десятиструнный гуцин, сработанный мастерами эпохи династии Тан. Для его создания было взято тысячелетнее эбеновое дерево. Корпус, покрытый натуральным лаком, замешанным на порошке из оленьего рога, отливает глубокой чернотой. Инструмент оснащен десятью «ледяными» шелковыми струнами, а на его деке вырезано изречение: «Когда смолкнет гул смятенных струн, вновь воспарит изящное созвучие». Именно благодаря этой надписи гуцин и получил имя «Изящное созвучие». Узор трещин на его лаке, напоминающий змеиную чешую, к основанию переходит в очертания цветов дикой сливы, что делает его редчайшим сокровищем среди дошедших до нас древних реликвий.

Размеренно выждав паузу, Чжун Ин продолжил:

— К сожалению, письменных свидетельств о странствиях «Изящного созвучия» вплоть до начала эпохи Республики не сохранилось. Подробные упоминания о нем появляются лишь в тысяча девятьсот тридцать втором году, когда знаменитый мастер Шэнь Лин основал Общество изящных созвучий минувшего. Объединившись с величайшими виртуозами того времени, он создавал новые переложения для гуцина, пипы, эрху, ритуальных колоколов бяньчжун и древнего чжу, стремясь воскресить утерянные напевы Императорской музыкальной палаты династии Хань. Именно тогда десятиструнный цинь обрел подробное описание в семейных хрониках Шэнь и документах Общества.

Юноша обвел взглядом слушателей.

— А в тысяча девятьсот тридцать седьмом году Общество изящных созвучий минувшего дало свой первый публичный концерт. Это было благотворительное выступление, сборы от которого пошли на нужды фронта в начавшейся войне сопротивления. Повсюду разносилась хвала: «Когда поет струна в Обществе изящных созвучий, величие напевов Музыкальной палаты вновь озаряет мир». С тех пор мастер десятиструнного циня Шэнь Цзиньду и его Общество обрели невиданную славу, переживая пору своего наивысшего расцвета.

Голос Чжун Ина звучал спокойно и неторопливо. Он излагал факты с академической точностью, подбирая столь же взвешенные и строгие формулировки, какие обычно наносят на выставочные экспликации. Но перед тем как заговорить о трагическом финале этой истории, он невольно помедлил.

— В тысяча девятьсот сорок втором году озеро Цинлин пало под натиском врага. За то, что Общество изящных созвучий минувшего наотрез отказалось улаживать слух японских офицеров, господин Шэнь был арестован и брошен в тюрьму. После этого десятиструнный цинь вместе с другими старинными инструментами был вывезен за пределы страны и затерялся на долгие годы.

Закончив исторический экскурс, юноша повернулся к управляющему активами Беллу.

— Позвольте выразить глубокую признательность господину Стэнфорду за то, что он, представляя интересы господина Гаррисона Беллу, вернул эту реликвию на родину. Возвращение «Изящного созвучия» домой — лучшее почтение к памяти безвременно ушедшего господина Шэня.

Переводчик виртуозно передал слова Чжун Ина, заставив солидного управляющего понимающе улыбнуться.

— Этот десятиструнный инструмент всегда занимал особое место в сердце господина Беллу, а господин Шэнь долгие годы оставался для него близким другом, о котором он никогда не забывал. Для меня огромная честь быть здесь от его имени, — Стэнфорд вежливо склонил голову и добавил: — Признаться, я сгораю от нетерпения услышать, как господин Фань пробудит к жизни этот древний гуцинь.

Фань Чэньюнь мягко рассмеялся:

— На протяжении многих десятилетий я играл лишь на семиструнном цине, поэтому едва ли могу считаться лучшим исполнителем для этого инструмента. Мой ученик же с девяти лет выступает на сцене со своими собственными сочинениями. Он обладает исключительным опытом и посвятил изучению десятиструнного гуциня куда больше времени. Если господин Стэнфорд не станет возражать, я бы уступил право первой игры ему — пусть он явит нам истинное величие этого тысячелетнего сокровища.

Услышав это заявление, усомнился не только Стэнфорд. Даже директор Юй, знавший Фань Чэньюня много лет и бесчисленное количество раз слышавший его виртуозную игру, растерянно моргнул, не веря своим ушам.

— Ваш ученик еще так молод, сколько же лет он учится музыке? — недоуменно спросил директор Юй. — Уважаемый мастер Фань, ваша скромность делает вам честь, но пасовать перед лицом этого тысячелетнего великана вам точно негоже.

Фань Чэньюнь лишь шире улыбнулся в ответ:

— В игре на семиструнном цине я скромничать не стану — тут мне действительно мало равных. Однако три лишние струны способны лишить покоя любого музыканта. Мой собственный опыт работы с десятиструнным цинем насчитывает от силы пять-шесть лет. Мой же подопечный осваивает его с трехлетнего возраста. Сейчас ему восемнадцать, так что я ни капли не кривлю душой, когда говорю, что его практический опыт работы с таким инструментом богаче моего.

— Нет, это решительно невозможно, — нахмурился Стэнфорд, как только переводчик закончил фразу. — Перед моим отъездом господин Беллу лично и со всей строгостью наказал мне: никто, кроме вас, мастер Фань, не должен касаться этого инструмента. Какими бы выдающимися навыками ни обладал этот молодой человек, я обязан строго следовать воле господина Беллу и выполнить свой долг до конца.

Директор Юй растерянно перевел взгляд на Фань Чэньюня. Руководитель музея, безусловно, верил словам прославленного маэстро, однако непреклонность американского представителя связывала его по рукам и ногам. Именно из-за этих жестких капризов дарителя древний гуцинь поместили в витрину без предварительной технической и научной экспертизы. Господин Беллу категорически запретил использовать какие-либо приборы или излучения, способные нарушить деликатную структуру дерева, из-за чего директору Юю оставалось лишь полагаться на авторитетное мнение Фань Чэньюня, чей опыт помог бы оценить подлинное состояние и сохранность раритета.

— Что ж, раз так... — Фань Чэньюнь понимающе кивнул, его теплый взгляд скользнул по кофру в руках подопечного. — Чжун Ин, ты ведь взял с собой «Осенние думы»?

— Да, учитель, — коротко подтвердил Чжун Ин.

— Вот и славно, — мягко улыбнулся Фань Чэньюнь. — Тогда, прежде чем я сам прикоснусь к «Изящному созвучию», послушайте сперва моего ученика.

Небольшая концертная площадка в центре зала изначально предназначалась для торжественного момента, когда древний цинь вновь заговорит с миром после векового молчания. Посетители музея, привлеченные слухами о том, что прославленный маэстро Фань Чэньюнь сейчас лично опробует легендарный инструмент, начали стекаться со всех сторон. Никто не желал уходить, предвкушая исторический момент.

Но вместо импозантного мастера на сцену поднялся стройный, статный юноша, чей облик дышал спокойной сосредоточенностью. Из раскрытого кофра он бережно достал гуцинь на редкость простого вида.

Его дека, покрытая блеклым светло-коричневым лаком, казалась почти необработанной, а туго натянутые струны тускло поблескивали стальным холодом. Корпус был лишен привычных плавных изгибов, характерных для благородных стилей Чжунни или Фуси — он шел прямо, словно ствол вековой сосны, и лишь скругленные края у изголовья и подставки придавали этой суровой, диковатой простоте завершенный вид. Ни на верхней деке, ни на оборотной стороне не виднелось ни каллиграфической резьбы, ни утонченных поэтических надписей, столь ценимых знатоками старины. Эта безупречно чистая, не тронутая временем поверхность выдавала современное происхождение инструмента.

По правде говоря, он походил скорее на простую деревянную плаху, к которой наспех приладили струны, чем на инструмент, способный рождать высокое искусство.

Однако заинтригованные зрители, присмотревшись к лежащему на столе циню, невольно принялись пересчитывать струны. Удивление росло с каждым мгновением: на этом неказистом современном инструменте, точь-в-точь как на старинной реликвии под стеклом, красовалось ровно десять струн!

Чжун Ин уложил инструмент на игровой столик, обойдясь без долгих церемоний.

На мгновение занеся ладони над холодным шелком, он без лишних предисловий ударил по струнам. Густой, полнозвучный аккорд мгновенно раскатился под высокими сводами выставочного зала.

Диапазон десяти струн оказался невероятно глубоким и объемным. Пальцы юноши замелькали в вихре традиционных приемов: скольжение «нао», хлесткие удары «тяо», резкие щипки «мо» и плотные аккорды «бо». Звуки срывались из-под его рук жестко, отчетливо, словно туго натянутая тетива лука перед выстрелом. Юноша то с силой срывал созвучия сразу с нескольких струн, то заставлял их затихать и вновь взрываться яростными раскатами.

Однако в этой незнакомой пьесе не было и следа традиционной эстетики гуциня, предписывающей звуку быть «нежным, но не пустым, сочетающим в себе мягкость и твердость». С первого же пассажа музыка захватывала дух, обрушиваясь на слушателей неудержимой лавиной, ошетилившись сталью клинков и ревом бури. Исполнитель не собирался улаживать слух праздной публики изящной меланхолией или растрачивать силу инструмента на жалобные, слезливые напевы.

Каждый аккорд, слетавший со струн, таил в себе остроту клинка — точно так же, как и его недавние суждения. Казалось, струны с лязгом бьются о гранит, рождая звук твердый и непоколебимый. Его руки летали над частоколом струн, заставляя инструмент, призванный изливать тихую грусть, рождать грохот пожарниц и тяжелую поступь кованых копыт.

Словно сама память о былых сражениях, выжженная в глубинах его души, воскресала под пальцами: в яростной вибрации шелка и глухих ударах ладони о деку рождался ураган войны. Перед глазами слушателей вставали стены пылающих крепостей, слышался грохот боевых барабанов и неистовый призыв стоять насмерть.

Музыка текла из-под пальцев юноши, но в груди слушателей она отзывалась яростным набатом. В ушах людей бушевал грозовой шквал, хотя рассудком каждый понимал: это всего лишь звуки странного десятиструнного инструмента. И все же они воочию осязали эту непреклонную, рвущуюся сквозь века волю — стоять до последнего вздоха и побеждать вопреки всему.

Богатый, густой рокот десяти струн полностью завладел просторным залом. Магия этого необычайного исполнения подчинила себе мысли каждого, кто находился в зале.

Даже Стэнфорд, еще недавно сомневавшийся в мастерстве молодого человека, застыл как вкопанный, не в силах вымолвить ни слова. Его утонченная европейская душа металась и билась в тисках этого неистового вихря звуков. Он воочию видел ярость бушующих волн и стремительный бросок хищной птицы, рассекающей грозовые тучи.

Эта грандиозная, трагическая музыка в одночасье сокрушила все его стереотипы о китайской традиционной культуре. Резкие, почти болезненные скольжения пальцев по струнам теперь казались не техническим несовершенством, а ударами карающих клинков, пускающих вражескую кровь. Стэнфорду не хватало слов, чтобы выразить охватившее его смятение, а подобрать достойное описание для услышанного и вовсе казалось невозможным.

Отбросив всякую рациональность, он покорно следовал за безумным ритмом. Мужчине чудилось, будто он сам, покинув безопасный зал, несется в атаку посреди ревущего, сметающего все на своем пути войска.

Чжун Ин накрыл струны ладонями, гася вибрацию. Бушевавший в зале шторм мгновенно утих, и отзвуки великой битвы начали медленно таять в воздухе, растворяясь в затихающем дрожании шелка.

Но под высокими сводами музея все еще парил невидимый призрак этого яростного ритма. Постепенно он опустился в грудь потрясенных людей, сливаясь в единый такт с биением их сердец.

Стэнфорд несколько раз глубоко вдохнул, пытаясь унять лихорадочную дрожь. Эмоциональный накал этой пьесы для него ничуть не уступал тому потрясению, которое он когда-то испытал, впервые услышав «Увертюру 1812 года» Чайковского.

Наконец обретя дар речи, он с нескрываемым восхищением спросил:

— Господин Фань, что это за произведение?

— «Песнь Китая», — с гордостью ответил Фань Чэньюнь.

Маэстро слышал ее десятки раз, но всякий раз Чжун Ин умудрялся вдохнуть в нее новые оттенки чувств.

— Мой ученик сочинил ее, когда ему было всего девять лет. Это истинная песнь нашей земли, рожденная ее историей и способная звучать во весь голос только здесь.

Сочинить нечто столь монументальное в девять лет... Невероятный, пугающий талант! Суровый, грохочущий характер музыки, получившей имя «Песнь Китая», мгновенно обрел для всех присутствующих глубокий и священный смысл.

Стэнфорд резко поднялся со своего места и взволнованно заговорил с переводчиком, торопливо отдавая распоряжения. Спустя мгновение толмач озвучил его волю:

— Директор Юй, господин Стэнфорд просит вас открыть выставочную витрину.

Весть о том, что легендарное «Изящное созвучие» сейчас пробудится от векового сна, заставила толпу сплотиться еще теснее. Никто не желал уходить. Люди приглушенно обсуждали только что стихшую бурю звуков, не сводя глаз с невозмутимого юноши. Плотной стеной они следовали за ним и сотрудниками музея, направляясь к главному стенду.

Все они не раз созерцали темный силуэт древней реликвии сквозь бронированное стекло. Но теперь сердца людей трепетали в предвкушении: как заговорит тысячелетнее дерево под пальцами этого удивительного юноши?

Под прицелом десятков выжидающих взглядов Чжун Ин подошел к витрине. Для него перестал существовать гул толпы — перед ним высился лишь безмолвный исполин из черного дерева, словно безучастно взиравший на людскую суету. Его лицо оставалось бесстрастным, будто явленное им только что чудо исполнительского искусства было для него делом самым заурядным.

Под личным надзором директора Юя тяжелый стеклянный купол витрины наконец бесшумно поплыл в сторону. Покоившийся на шелковом ложементе инструмент явил миру свой безупречный антрацитовый блеск, словно выдохнув в зал сухой, пыльный аромат ушедших веков.

— Осторожнее, пожалуйста, — негромко проговорил Чжун Ин, протягивая руки.

Он принял инструмент бережно и трепетно, прижав к груди так, словно благочестивый паломник наконец обрел утерянную святыню своего ордена.

Толпа обступила Чжун Ина, жадно ловя взглядом каждую деталь освобожденного из

стеклянного плена сокровища.

Чжоу Цзюньтун застыла в стороне, не в силах сделать и шагу. Она заворожено смотрела на Чжун Ина, бережно прижимавшего к себе древний цинь. Сама она с детства училась игре на фортепиано и скрипке, слышала выступления десятков величайших оркестров и традиционных ансамблей. Однако сейчас девушка готова была поклясться: ни один концерт в ее жизни не шел в сравнение с той бездонной, пугающей глубиной, что открылась ей в игре этого юноши.

Когда во время игры Чжун Ин обрушивал ладонь на деревянную деку, выбивая гулкий барабанный ритм, она внезапно осознала главное.

Тема этой пьесы — война.

Каждая битва, когда-либо сотрясавшая эту землю, ожила и пронеслась перед ней в рокоте десяти струн. Она слышала лязг мечей защитников отечества, яростный рев рожков, зовущих в атаку, стоны раненых на залитых кровью полях. Но сквозь весь этот ужас и смерть проступало главное: живые никогда не склонят головы перед захватчиками. Их воля была столь же негибкой, как и эти яростные аккорды «Песни Китая».

Прочувствовать это было несложно, но осознание того, что эта зрелая, выстрадавшая поколениями концепция была создана ребенком в возрасте девяти лет, повергало в священный трепет.

Лишь когда Чжун Ин подошел к столу и приготовился коснуться струн «Изящного созвучия», Чжоу Цзюньтун наконец стряхнула с себя оцепенение. Она ведь пришла в музей ради встречи, так почему же из-за этой музыки совершенно позабыла о главном?!

Девушка торопливо вытащила телефон и, борясь с дрожью в пальцах, набрала сообщение:

«Ты где?!»

Ответа не последовало. Не выдержав, она сразу набрала номер.

— Ну чего? — раздалось на том конце провода. Братец явно не собирался покидать теплую постель.

— Братец, ты почему еще не здесь?! — зашептала Джессика, отходя чуть в сторону.

— Поздно лег, — лениво и без тени раскаяния отозвался динамик. — Приду завтра.

— Какое завтра?! Нужно сегодня, иначе ты все пропустишь!

— И что именно? — в ленивом тоне прорезались нотки вялого любопытства.

— Десятиструнный гуцинь! Мы же вчера договаривались вместе послушать мастера Фаня...

— В другой раз, — любопытство улетучилось без следа, уступив место протяжному зевку.

Джессика едва не задохнулась от злости. Игра Чжун Ина была феноменальна — он ничуть не уступал маэстро Фаню, да к тому же играл на редчайшем десятиструнном цине! А ее брату, видите ли, лень подняться с постели!

Она уже совершенно забыла, как совсем недавно сама топала ногами от злости из-за пары фраз этого невыносимого юноши. Ведь ее дражайший братец всегда умудрялся бесить сильнее, чем кто бы то ни было на свете.

— Послушай меня! Сегодня на сцену вышел не мастер Фань, а его юный ученик. Ему всего восемнадцать, но он абсолютный гений! Он только что исполнил невероятную вещь собственного сочинения. И сейчас он начнет играть на том самом танском гуцине! Если ты прямо сейчас встанешь, то успеешь...

В трубке повисло молчание — братец явно пребывал в сомнениях. Пока Джессика лихорадочно соображала, чем еще его завлечь, до ее слуха донесся тяжелый, глухой стук: «Изящное созвучие» заняло на игровом столе место «Осенних дум».

Древний инструмент был заметно крупнее и тяжелее, его струны казались толстыми и суровыми. Чжун Ин слегка задел их пальцем, и зал наполнился густым, бархатным рокотом, похожим на удар бронзового колокола.

— Не смей вешать трубку! — всполошилась Джессика. — Все начинается, я подержу телефон поближе, слушай!

Она крепко сжала мобильный и осторожно протиснулась поближе к столу, стараясь не мешать Чжун Ину.

Юноша замер над декой, извлекая неровные, отрывистые созвучия. Он бережно подстраивал струны, словно пытаясь прощупать сложный характер старинного дерева. Несмотря на безжалостный бег времени, тысячелетний инструмент сохранил великолепную упругость струн и богатство акустики.

Длинные пальцы юноши уверенно перебирали «ледяные» струны, заставляя их звучать в паре. Под его руками рождались чистейшие пять тонов и двенадцать ступеней традиционного строя. Пусть это была лишь настройка, не складывавшаяся в мелодию, ее густой, вибрирующий гул будоражил кровь. Казалось, еще мгновение — и над миром величественно воспарит утерянный голос древности.

Внезапно Чжун Ин едва заметно нахмурился и плотно прижал ладонь к струнам.

Ровное течение звуков оборвалось. В следующий миг он с силой рванул струны вверх, заставив три из них содрогнуться от резкого, истошного визга — точно так же когда-то великий Боя оборвал струны своего циня, оплакивая безвременно ушедшего друга.

От этого скрежета Чжоу Цзюньтун невольно поморщилась. Она хотела было торопливо шепнуть в трубку, что юноша просто настраивает инструмент, но вовремя осеклась.

Экран телефона предательски погас. Вызов был сброшен, а в чате висело короткое и безжалостное сообщение от брата:

«Слишком много шума, ничего не понятно. Я спать».

Девушка в ярости заскрежетала зубами, готовая снова набрать номер этого упрямого лодыря, как вдруг за ее спиной раздался неровный, тревожный перебор. Это не имело ничего общего с обычной настройкой. Даже не искушенный в тонкостях игры слушатель уловил бы в этих рванных, спотыкающихся звуках тревогу, замешательство и глухой гнев.

— Чжун Ин? — Фань Чэньюнь тоже мгновенно уловил фальшь и нахмурился. — Что случилось?

Чжун Ин медленно опустил ладони на струны, гася их испуганную дрожь. Продолжать эту бесполезную пробу не имело смысла.

Подняв на наставника тяжелый, потемневший взгляд, он тихо, но отчетливо произнес:

— Учитель, с этим инструментом что-то не так.

<http://bllate.org/book/20108/1998505>